

Глава первая

— Если мужчина о тебе не вспоминает, возьми у него в долг большую сумму денег и не отдавай ее вовремя. Вот тогда парень будет думать о тебе утром, днем и ночью.

Меня разобрал смех.

— Хороший совет. Вот только у кредитора возникнут недобрые мысли.

— Ясно теперь, почему я пришел к вам? — осведомился посетитель.

— Пока я не понял, в чем проблема, — ответил я.

— Я процитировал вам совет психолога, к которому обратилась моя жена, — прошипел сквозь зубы клиент. — Понимаете уровень специалиста?

— Ответ часто зависит от вопроса, — улыбнулся Борис, — если женщина говорит: «Человек не вспоминает про меня. Как сделать так, чтобы он постоянно думал обо мне?», то психолог мог пошутить, а потом уж начать работу.

Посетитель встал.

— Ваш уровень интеллекта мне тоже ясен. Вокруг одни идиоты!

С этими словами он развернулся и вышел. Через пару секунд раздался хлопок двери.

— Мы лишились клиента, — констатировал я. — С одной стороны, это неприятно, с другой — хорошо. Мужчина странно себя вел. Я попросил его назвать свое имя — он сделал вид, что не услышал меня. Поинтересовался, с какой целью он пришел к нам, — сказал про деньги. Похоже, у него нестабильная психика. Трудно иметь дело с таким. Но если отказать, придумать вескую причину вроде: мы сейчас работаем по другому делу, наше агентство маленькое, одновременно взять двух клиентов мы не можем, то рискуем получить фонтан агрессии. Хорошо, что мы ему не понравились.

— Полностью согласен с вами, — сказал Боря. — Пойдемте в столовую. Из-за того, что клиент назначил встречу на семь утра, вы не успели позавтракать.

Я молча встал. Мне на редкость повезло, я живу в маленьком тихом переулке. Да, да, в Москве есть такие. Малоэтажный дом, где расположен офис моего детективного агентства, построен в начале двадцатого века. Со-седей мало, и все они обосновались за границей. Долгое время я был единственным обита-

телем дома. Хотя слово «обитатель» не совсем верное. Квартира, в которой живем я, сыщик Подушкин, и мой помощник Борис Кузнецов, расположена в таком же несовременном здании, оно стоит напротив офиса на другой стороне узкой улочки. Каким образом я, вовсе не олигарх, не успешный бизнесмен, не звезда эстрады, театра и кино, не знаменитость, стал владельцем двух расположенных рядом просторных хором, да еще в самом центре города? Один раз я уже рассказывал эту историю, повторяться не хочется.

Ни я, ни мой батлер (таким красивым словом теперь называют помощника) Борис не любим шума, гама, застолий, вечеринок, плясок до утра и славной драки на посошок. Поэтому мы очень радовались отсутствию других проживающих в тех домах, где находятся наши апартаменты. И вдруг на соседнем с офисом этаже начался ремонт, а потом выяснилось, что квадратные метры проданы, их приобрел Олег Ефимович Котин. Я приуныл, но, как вскоре оказалось, зря. Теперь у меня есть хороший друг, а Ирина Львовна, которую все зовут Ирэн, мама Олега, знакома с Николеттой, у них армия общих подружек. В отличие от моей маменьки, Ирэн не делает сыну замечаний при посторонних, не именует его прилюдно домашней кличкой — Ляля. Правда,

Ирэн хочет видеть своего сына женатым, так же как Николетта мечтает запихнуть в брачный капкан меня. Моя маменька использует любую возможность, чтобы громко заявить: «Вава! Хватит жить в свое удовольствие холостяком». Ирэн лишь улыбается, подводя к Олегу подходящую, на ее взгляд, невесту. Если сын перебросится с юной особой парой фраз, потом достанет очень кстати зазвонивший телефон, скажет: «Простите, рабочий вопрос» — и уйдет, то мать никогда не закричит ему вслед: «Немедленно перестань болтать». Нет, нет! Ирэн в хороших отношениях с Николеттой, но характеры у них разные. Котина возьмет под руку покинутую кандидатку в невестки и поведет ее к чайному столу. Ирина Львовна сгрызет сына дома вечером, когда рядом не будет чужих ушей и глаз.

Мы с мамой друга прекрасно ладим, иногда она присылает ко мне клиентов, за что я ей премного благодарен.

— Странный посетитель, — произнес Борис, — однако...

Договорить он не успел, потому что в дверь постучали.

— Сейчас выясню, в чем дело, — пообещал Боря и отправился в холл.

Я же взял заварочный чайник и вздрогнул. По столу медленно и торжественно шагал

таракан. Бытовые насекомые — большая проблема центра Москвы. Правда, сейчас прусаков стало в разы меньше, но они, похоже, просто где-то затаились. Я наивно думал, что мне повезло, ни в офисе, ни дома нежеланных рыжих жильцов нет. И вот вам!

— А ну, кыш отсюда, — возмутился я и ударил ладонью по столу.

— Я сразу понял, что вы хам, — загремел мужской голос.

Я повернул голову на звук и увидел в проеме двери того же клиента, который недавно убежал из офиса.

— Я решил дать вам шанс, — гневно продолжил он, — подумал, что вы извинитесь и займетесь моей проблемой. И что я услышал? «Кыш отсюда»?!. Отличное отношение к посетителям!

Я улыбнулся.

— Я сижу спиной к двери, не видел, как вы вошли в комнату. Возглас адресовался не вам.

— А кому? — прищурился незнакомец.

Сообщать о присутствии в офисе тараканов не хотелось.

— Собака попыталась залезть на стол, — соврал я, — прикрикнул на нее.

— И где псина? — продолжил допрос клиент.

Тяжела жизнь лгуна, один раз скажешь неправду, и придется дальше врать.

— Под столом, — не растерялся я.

Незнакомец одним прыжком оказался около меня, наклонился, поднял край скатерти и завопил:

— Так я и знал! Там пусто.

— Что случилось? — спросил Боря, входя в столовую

— Все! Конец общению, — отрезал посетитель, — не имею желания вас когда-либо видеть. Немедленно покиньте помещение!

— Маловероятно, что мы уйдем, — спокойно возразил Борис, — вы находитесь в детективном агентстве, а не у себя дома.

На лице не совсем психически здорового мужика появилось удивление, но оно живо пропало.

— Вот как вы работаете с клиентами, — прошипел он, — гоните меня на мороз!

— За окном теплый сентябрь, — напомнил Боря, — но жарко, как в начале августа.

— Негодяи, я разберусь с вами, — пригрозил дядька и исчез.

Борис покачал головой.

— Бедолага определенно не в себе, не стоит его одного отпускать. Пойду гляну, удалил-ся он или нет.

И тут опять раздался звонок.

— Если увидите, что к нам вернулся странный экземпляр, не пускайте его, — попросил я.

— Хотел вам то же самое предложить, — улыбнулся Боря, — не открою дверь.

— Целиком и полностью «за», — заявил я.

Боря удалился, через пару секунд в комнате возникла Ирэн Львовна, она сразу взяла быка за рога.

— Ванечка! У Левы сплошные неприятности. Он хочет снять сглаз. И нейтрализовать цветок-убийцу! Сейчас подробно объясню.

Тучи маразма начали сгущаться в столовой, из них на меня готовился упасть дождь безумия.

— Ирэн, разрешите угостить вас чаем? — проворковал Боря. — Отведайте вишневый кекс.

Больше всего мне в Ирэн нравится полное отсутствие жеманства. Она не прикидывается дамой, которая питается сушеными акридами и капельками росы.

— Вишневый кекс? — повторила мать Олега. — Боренька, ангел мой, отрежьте кусок толщиной в три пальца, не моих, а ваших. Из серединки. Не люблю горбушки. И чаю спроворьте большую кружку. Отгону прочь свое воспитание, буду лакомиться выпечкой и с набитым ртом рассказывать о Леве. Моя бабушка на небесах придет в ужас, когда увидит, как сейчас себя ведет ее любимая внученька.

Глава вторая

— Лева — сын моей подруги Инны Волковой, — начала Ирэн, вонзила зубы в кусок кекса и простонала: — Волшебное! Его отец Михаил скончался. Между нами говоря, и слава богу! Этот экземпляр мужской породы не был образцом достойного поведения. Он сборище пороков. Врун, гуляка, постоянно заводил любовниц, закатывал скандалы, устраивал через день грандиозные вечеринки, на которых находил тех, с кем можно переспать. Все до сих пор считают Леву богатым. Как же, он сын известного московского поэта, артиста, небось гонорары за книги покойного отца отпрыску и по сей день в ладошки падают!

Ирэн доела кекс и показала на пустую тарелку.

— Требую продолжения.

Боря быстро взял лопатку.

Котина продолжила:

— Досужие языки врут. Да, старший Волков строчил вирши, считался в советские времена знаменитостью. Но как он косил

денежную траву? Утром газета «Правда» сообщила, например, об аресте директрисы детского сада. Она брала деньги с родителей, которые непременно хотели пристроить свое чадушко в ее заведение. «Позор гражданке Петровой» — так гласил заголовок. Теперь вспомним, что в советские времена в Москве по вечерам устраивали почти во всех Домах культуры эстрадные концерты, эдакая сборная солянка, как правило, из двух отделений. В первом звучала песня про прекрасную жизнь в Стране Советов, выступал чтец со стихотворением «Ленину слава», затем появлялся симфонический оркестр, исполнял нечто простое, понятное не искушенному в классической музыке слушателю. Следом выходила оперная певица, завершало первую часть па-де-де, которое исполняла балетная пара. Аплодисменты, антракт. Народ бежал в буфет, лакомился бутербродами с дефицитной копченой колбасой, мужчины позволяли себе рюмку коньяка, бокал вина, дамы брали кофе с ликером, пирожные. Второе отделение всегда было веселее первого. Эстрадные певцы с популярными песнями, дрессированные собачки, акробаты, фокусник. Под занавес выходил юморист, и очень часто это оказывался Михаил Волков. Он возникал на сцене с крохотной гармошкой, начинал играть,

произносил речитативом: «Товарищ Петрова в детсадике служит, товарищ Петрова деток так любит, и как не любить малышей, ведь за каждого ей капает рублик в карман, вот бы деток таких всем нам». Зал смеялся, а куплетист исполнял следующее произведение. Публика хохотала, не хотела отпускать Волкова. Михаил отлично зарабатывал, имел квартиру, дачу, машину, отдыхал в Пицунде, постоянно ездил на гастроли, состоял в Союзе писателей, считался поэтом, выпускал книги своих коротких злободневных творений. Они пользовались успехом, а на упреки жены в неверности он отвечал: «Дура. Тебе завидует вся страна. Ты моя законная супруга, остальные временно около меня очутились».

Ирэн доела кекс.

— Мерзавец даже не пытался скрыть, что спит со всем, что шевелится. Понятно, большинство окольцованных представителей сильного пола налево ходит, но приличия все соблюдают, делают вид, что никогда ни с кем! Единственное, что Инну утешало — Миша был не жадный. Поскольку отец у развратника работал ювелиром, то, прости господи, поэт научился хорошо разбираться в драгоценностях. Михаил постоянно покупал Инне украшения. Он жадничал дать ей денег на новую одежду, туфли, так и не обрадовал шу-

бой. А ювелирные изделия притаскивал мешками. Если супруга всхлипывала: «Миша, мне стыдно в этой юбке идти в гости, я ношу ее три года подряд», муж орал: «Дура, повесь на шею бриллиантовое ожерелье! Никто не заметит, какое на тебе шмотье». И ведь оказывался прав. Едва Инна входила в гостиную, как все женские головы поворачивались к ней. Дамы замолкали, они изучали побрякушки Волковой, бледнели, синели, потом быстро принимались обсуждать погоду.

Рождение сына Левы Михаила не изменило, он не хотел ребенка. Мальчик ему не нравился, младенец кричал, требовал есть, пачкал пеленки. Поэт-юморист уехал жить на дачу, туда к нему стала приезжать юная актриса, которую вскоре увидели в роскошных серьгах. Бомонд загудел о скором разводе куплетиста. Но семья не развалилась, несмотря на то, как вел себя муж, Инна не делала попыток разрушить брак. А Мишу все устраивало. Летние месяцы самые «хлебные» для эстрадного артиста. Волков, как правило, уезжал из Москвы на июнь — август, прихватывал еще и сентябрь. Домой он не прилетал, и было понятно, что один ночи не проводил. Некоторые жены знаменитостей, зная о любви супруга к прекрасному полу, работали у него в коллективе костюмерами, всегда и везде сопро-

вождали гуляку. Но Инна не водила Михаила на коротком поводке, она оставалась дома, воспитывала Леву. Когда Михаил умер, очередная молодая любовница осталась с носом. Инна, естественно, стала единственной наследницей. Она давно поняла, что необходим какой-то авторитет, чтобы сослаться на него в воспитательных целях. В лексике дамы много лет назад, еще при жизни мужа, появились фразы: «Твой папа так никогда не поступал», «Отец не одобрит прогулы уроков, он окончил школу с золотой медалью». Все эти заявления являлись наглой ложью. Михаил творил что хотел, среди его «подвигов» были пьянство, безудержное кобелирование, вранье, наплевательство на жену и сына. Медаль в школе ему могли выдать только за прогулы и драки с другими детьми. Но правду о супруге Инна доносить до сына не собиралась. У Левы сформировался образ отца — отличника с тремя высшими образованиями, тихого, скромного, непьющего, некурящего, не знавшего бранных слов человека, который обожал жену, восхищался ее материнскими талантами, никогда не повышал голоса, все деньги нес исключительно в семью и за годы брака ни разу не посмотрел ни на одну женщину, кроме своей супруги. Даже при виде восьмидесятидевятилетней лифтерши Дуси, страшной

как смертный грех, Михаил всегда опускал глаза, чтобы не смутиться видом чужой бабы. Для Волкова существовала только Инна, прекрасная, как утренняя заря.

Ирэн рассмеялась.

— Мать сделала все, чтобы получить управляемую собачку. Лева отучился в ГИТИСе, из него мог получиться неплохой актер. Но сын Михаила стал режиссером, основал свой театр. Недотепа Левушка купил для своего коллектива помещение в одном из арбатских переулков. Понимаешь, сколько денег было потрачено?

— Много, — сказал я.

— Не сам же он их заработал, — вздохнула гостья, — понятно, что мать продала парочку своих колье. И Левушка стал великим режиссером. Полгода назад Инна позвала меня на очередную премьеру своего гениального мальчика. Главную роль исполняла ее невестка Катя.

Ирэн захихикала.

— Олег получает пачками приглашения посетить то или иное действо. Театральные деятели все такие возвышенные, думают исключительно о высоком искусстве, бесребреники, громко говорят о том, что талант должен голодать, потому как сытая жизнь убивает душу... Вот все они шлют Олежеку контрамар-

ки с текстом: «Ждем вас на премьеру пьесы лучшего автора Ляпкина, спектакль поставил великий Тяпкин. Вы можете оставить свой след в истории мирового искусства, если поддержите наш театр материально». Попрошайки вокруг моего сына роятся тучами и бегают стадами. Понятно, что Олежек никогда на эти призывы не откликается. А я иногда использую шанс посмотреть нечто новое. Олег смеется: «Ирэн! Ты надеешься в навозной куче отыскать жемчужное зерно? Поражаюсь твоей наивности». Сын прав. Я всегда наблюдаю жуткое зрелище. А спектакль Левы!!! Еле дождалась окончания, стала нахваливать увиденное, неудобно было просто уйти, мы хорошо знакомы с Волковой, она сама вручила мне контрамарку, пригласила на банкет, который организовали после премьеры. Конечно, я старательно душу в себе смех, когда Волкова начинает петь о любви покойного Михаила к ней. А то я Мишку не знала! Инка, наверное, решила, что я память потеряла, но она ошиблась. Сцена, когда Миша велел супруге закрыть рот, не говорить много в чужой гостиной, до сих пор стоит перед глазами. Забыть не могу, как Инна, которая вещала свои глупости, не обратила внимания на приказ благоверного заткнуться, а тот выплеснул ей на грудь бокал красного вина и заявил: